

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Следующий день оказался весьма интересным. Я бы даже сказал насыщенным разного рода информацией... Заставляющей мой бедный мозг плавиться.

После посещения столовки, Рогожин отправил парней размяться на полосу препятствий, после чего требовалось хорошенько намять бока друг другу. А меня потащил за собой, любоваться на помятые лица Степаныча и Васильева. Хотя прапорщик выглядел вполне себе здоровым и явно похмелившимся. Сидел себе на крылечке и покуривал... Для начала здороваемся...

- Живой? - поинтересовался у него Рогожин.

- А то! - Степаныч довольно прищурился. - Спасибо хлопцам: надолго вперед лекарством обеспечили.

Расплываюсь в довольной улыбке - пригодился коньячок. А то помер бы Дед с похмелья.

- Рады стараться, все для любимого начальства.

Степаныч улыбнувшись, подмигивает:

- Чья была идея?

Чешу затылок:

- Ну, хомяк буйствовал у всех, но мой, пожалуй, оказался самым жадным.

- Эх, моя школа, - расплывается в довольной улыбке.

- Не увлекайся, а то и правда, траншею рыть заставляю, - нахмурился капитан.

- Тю, товарищу капитану, это когда я норму свою нарушал?

- Напомнить?

- Так-то когда было? Заметь, если бы не тот случай, могли бы и не встретиться, - слегка грустно произнес Степаныч. И уже более уверенно: - А вчера не в счет, тем более что норму я не превышал.

- Но пытался!

- Так ведь ты на меня так орал, что я аж поверил.

- И поэтому решил догнаться? Чтоб не страшно было?

- Вот-вот, так все и было! - тут же подтвердил явно понравившуюся версию событий Степаныч. Теперь-то ничего придумывать в оправдание не нужно - лопата и лом уплыли в заоблачные дали. А может, и не было их. - Тем более что я был в порядке... Ну, почти...

- Эх, пороть тебя в детстве надо было. Жаль не дожил до того момента, ты бы у меня вообще от выпивки отказался.

- Мне тоже жаль, - лицо Степаныча стало грустным-грустным.

- А чтоб тебя, - махнул рукой Рогожин. - Как там майор?

- Помирает, - Степаныч разводит руками, - намешал изрядно, вот и плохо ему. Налил коньяка, а он даже смотреть не хочет. Говорит, что стошнит его. Поставил напариваться укрепляющий настой. Но если не примет... - вновь разводит руками.

- Пошли, посмотрим, - бросил на ходу капитан, поднимаясь по ступенькам.

Да уж... Выглядит Васильев весьма хреново. Смешивать последнее дело - по себе знаю. Сидит за столом в каморке Степаныча, подперев голову руками, и с тоской смотрит на стакан, до половины наполненный коньяком. На приветствие лишь слабо шевельнул рукой и болезненным голосом протянул:

- Руслан, если мне еще раз в голову придет "гениальная" мысль, ты меня сразу пристрели - чтоб не мучился. С рождения дочери так не пил, - и на мгновение, замолчав, поправился: - Нет, даже тогда столько не выпил.

- Ну, еще бы, - вполне уже довольный жизнью Степаныч, аккуратно сцеживает какой-то отвар в кружку. - Коньяк, вино, пиво - адская смесь.

- Руслан, скажи, я хоть не зря страдаю? - голосом умирающего лебедя поинтересовался майор.

"Прав я оказался - похоже, что отцы-командиры все же какую-то аферу проворачивали?" - мысленно чешу затылок, пристраивая зад на пустующий табурет.

- Коньяк пей, - жестким голосом скомандовал Рогожин.

- Тошнит...

- Надо, Федя, надо!

- Я не Федя.

- Да? Ты уверен? Тогда тем более пей!

Васильев с тоской посмотрел на стакан, зажмурился и, выдохнув воздух, заглотил. С задумчиво-болезненным видом посидел и удивленно произнес:

- Прижилось...

- Во-о-от, - подняв в небеса палец, поучительным голосом произнес Степаныч. - А теперь вот это... - ставит на стол только что сцеженный напиток. - Мелкими глотками.

Взяв в руки кружку, майор принимает и с сомнением пробует:

- Горькое, - морщится и укоризненно говорит: - Мог бы и эликсир дать.

- Ага, счас!!! - возмущается прапор. - Ты представляешь его цену? Если я тебе скажу, ты пить бросишь. Совсем. Там настолько редкие ингредиенты, что только на самый крайний случай храню. Тебе и так скоро полегчает, чай не первый раз замужем!

- А ладно. Ну, так что? Как результат? - Васильев с надеждой обращается к Рогожину.

- Ну как тебе сказать, - капитан с задумчивым видом наливает себе чай, - блок у генерала

оказался на загляденье. Пришлось вызывать на помощь супер-мега взламыватель мозгов - АМ. Модель: девчушки сексуальные, на всю голову отмороженные.

- Ты о чем? - не въезжает майор.

А я затаив дыхание тихонько шкерюсь в своем уголке, еще и легкую отводку глаз врубил, чтоб не отсвечивать, а то любопытство аж прыгать начало от счастья.

- АМ - Анютка и Маришка. Что тут не понятного?

- Охо-хо. А я в таком виде, перед начальством, - расстроился Васильев.

- И что? - удивился Степаныч. - Чай не съедят, ты же за дело радел.

- Ох, мужики. После того нашего разговора, ну вы помните... - делает выразительное лицо. Походу начинает отпускать майора, вот и мимика заработала.

Степаныч с Рогожиным кивают. Только я как дурак не в курсе... Кругом тайны, тайны. Забодали уже...

- Ну, так вот, - продолжает майор, - явились ко мне. Вопросов кучу назадавали, про Зайцева. И ведь не спору: красивые жуть, а меня аж до печенок пробрало... - майора передернуло всего от воспоминаний.

- Это они могут, - заулыбался Степаныч.

Рогожин же только ехидно усмехнулся. А Васильев, все более оживая, продолжал:

- Так что, ну его на фиг, у меня от них мурашки по коже. Это они только к вам какой-то нездоровой любовью пылают. А мне лучше подальше от начальства, поближе к кухне.

- Почему нездоровой? - удивился Рогожин. - Очень даже здоровой.

- Да? Рисковые вы мужики... - потрясенно произнес майор.

- Ты это о чем? Извращенец! - засмеялся капитан. И глядя на все еще помятое лицо Васильева, спросил Степаныча. - Как думаешь можно его посвятить в нашу тайну?

- Ну, намеки он уже делал, так что про нас с тобой, наверное, знает, - и обратился к майору: - Знаешь?

- Угу... - не стал отпираться тот. - Что он твой дед знаю. Меня как раз ваши АМ и просветили...

- Вот и славно. А теперь главное! И учти, что об этом знает от силы десятков человек, теперь еще двое добавится. Егору знать совсем не повредит, а то его скоро любопытство съест, - и, подмигнув мне, добавил: - Можешь не изображать из себя ветошь.

Смущенно улыбаюсь, типа я хороший. И вообще глухой...

- Ну, а ты, чтоб глупости больше не говорил.

Васильев разводит руками:

- Мужики, а что я еще подумать должен был?

На лицо Руслана вновь наползает веселая улыбка, но он молчит, позволяя говорить Степанычу.

- Так вот, Витя, - делает театральную паузу, - Анютка моя старшая сестра. Теперь понял, откуда любовь?

- Ох...ть, - только и смог выдать из себя Васильев.

- А то! - самодовольно улыбаясь, произнес Степаныч. - А Маришка ее подруга детства, так что, считай, тоже сестра. Все детство у нас провела.

- Да и меня, в свое время, по той же причине выбрали, - добавил Рогожин. - Подарок Всеслава, моей внучке.

- Куда я попал, - картинно схватился за голову, более-менее пришедший в себя майор, изображая ужас, - кругом кумовство и мажоры...

Развеселил, что тут еще сказать. А то я бедный так охренел в своем уголке, что если бы не стенка улетел бы со стула на фиг. А так хоть поржали. А Степаныч тем временем решил еще немного дать информации:

- Если честно, изменились они сильно, но во многом остались прежними. Даже вот взять пример: Анютка всегда красивая была и привыкла к этому. А Маришка, даже сказал бы страшенькая, вот и теперь, заметили, как на замечания о внешности реагирует? Казалось бы, сколько лет прошло, должна привыкнуть, что красотка хоть куда? Ан нет. Да и человечными остались, несмотря на трудную судьбу. Нам всем надо молиться на них. Кто знает, что бы было, не подбери в свое время Всеслав двух обиженных на жизнь девчонок. Обиженных, но не озлобленных. Что для него человеческие жизни? Пыль. А они все же остались частично людьми. Вон даже геройского деда не забыли...

Степаныч сел на табурет, обхватил голову руками и продолжил:

- Бабушка так тосковала, считай, каждый день рассказывала, в пример ставила. Вот и помнили о нем... Так что Всеслав очень дорогой подарок сделал...

Руслан, сидел с потерянным лицом, а по щеке стекала слеза...

<http://tl.rulate.ru/book/25699/539344>